

НИКОЛАЙ ДУРНОВО

ОЧЕРК
ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1924 ЛЕНИНГРАД

НИКОЛАЙ ДУРНОВО

**ОЧЕРК
ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1924 ЛЕНИНГРАД

Главлит. № 11850.

Тираж 5.000 экз.

39-я Типография „Мосполиграф“, Путинковский 3

ВВЕДЕНИЕ.

Задачи научного изучения языка.

§ 1. Изучение всякого языка может преследовать или научные или практические цели. Практическое знание языка следует отличать от научного. Практически знающим язык является тот, у кого ассоциации между словами известного языка и их значениями настолько сильны, что у него непроизвольно представление о каком-нибудь значении вызывает и представление о самом слове, тот, кто правильно употребляет те или другие формы слов и сочетаний слов, не давая себе отчета в том, почему он это делает. Научное знание наоборот стремится к осознанию изучаемых фактов, к тому, чтобы понять связь между ними.

§ 2. Научное изучение языка может быть статическим, когда язык изучается в современном его состоянии или в один из моментов его прошлого, но без сопоставления с фактами более раннего прошлого, и историческим, когда изучаются изменения языка за более или менее продолжительный период времени. Статическое изучение языка может быть вполне научным лишь в том случае, если мы сумеем при этом не выходить за пределы изучаемого момента, объясняя лишь то, что объясняется из данного состояния языка. Поясним примерами. В нынешнем великорусском языке существует правило, что звонкие согласные в конце слова, если дальше не следует слово, начинающееся со звонкой согласной, переходят в глухие: при родит. ед.— дуба, пирога, рода, мужа, мороза именит. ед. звучит: дуп, пирск, рот, муш, морос, с глухими согласными на конце, при именит. ед. рыба, нога, борода, лужа, берёза родит.

множ.—рып, нок, борот, луш, берёс... Это закон живой. потому что мы в каждом новом случае, хотя бы в заимствованном из иностранного языка слове обязательно произнесем в конце слова тоже глухой согласный звук вместо звонкого. Поэтому такой закон должен найти себе место в статической грамматике современного великорусского языка. Точно также, если мы возьмем такие слова, как „профессор“, „исторический“, „факультет“, мы легко объясним себе, почему в этих словах, заимствованных из иностранных языков, неударяемое *о* в нашем произношении заменилось звуком *а* (прафессор, истарический), звуки *ф* и *т* (профессор, факультет) перед *е* стали звучать мягко, тогда как в немецком и французском языках они в соответствующих словах так не звучат, откуда в прилагательном „исторический“ явился суффикс — „(ч)еский“: всё это находит объяснение в тех законах, какие действуют в нашем языке в настоящее время. Статическая грамматика языка устанавливает, какие звуки и в каких комбинациях существуют в языке в данный момент, какие употребляются формы слов и их сочетаний, какие формы являются для данного языка в известный момент продуктивными, т.-е. способными влиять на образование других форм. Статическая грамматика современного русского языка, наприм., объяснит, почему такие, недавно заимствованные из иностранных языков слова, как аэроплан, танк, эмиссар, дирижабль, цеппелин, дреднот, склоняются по образцу исконных русских существительных, почему глаголы, недавно заимствованные из немецкого, французского и английского языков, образуют формы спряжения подобно другим, русским глаголам (визировать, аттестовать и пр.).

Но статическая грамматика оставит не объяснёнными все те факты языка, которые не объясняются из состояния языка в изучаемый момент. Так напр., изучение фактов современного русского языка не объяснит нам, почему мы говорим „на берёзе“, но „березник“, „вёсну“, но „вешний“, „царёв“, но „царевна“, почему при существительном „лиса“ прилагательное будет „лисий“, а при существ. „волк“ — „волчий“, а не „волкий“, почему от „рыба“ уменьшительное „рыпка“, а от „нога“, „рука“ — „ношка“, „ручка“: чем объясняется

сложность типов склонения имен существительных и такая же сложность в образовании глагольных форм; чем вызваны сходства и различия между языками или говорами одного языка. Для объяснения этих и других подобных фактов языка приходится обращаться к истории языка.

История языка.

§ 3. История языка, изучающая его развитие с момента его образования за всё время существования языка, показывает, что всякий живой язык, т.-е. такой язык, который является разговорным языком какого-нибудь народа или общества, непременно изменяется с течением времени; меняется произношение, грамматические формы и значения слов; некоторые прежние звуки, формы, слова исчезают и заменяются новыми. Такие изменения происходят в языке непрерывно, хотя и с различною быстротою. При этом изменения, происходящие в языке, иногда бывают общи всему языку, т.-е. всему народу или обществу, говорящему на этом языке, иногда же усваиваются лишь частью этого народа или общества и не распространяются на другую часть того же народа. Такие изменения называются диалектическими от слова „диалект“ (с греческого), т.-е. наречие или говор. Диалектические изменения в языке могут быть областными (местными), т.-е. охватывать часть народа, ограниченную известной областью или местностью, или же классовыми, когда они возникают в одном классе общества, не распространяясь на другой; такими изменениями, напр., вызываются различия между языком горожан и сельского населения или между языком представителей разных профессий. С появлением в языке диалектических различий язык утрачивает полную однородность и цельность и начинает дробиться на наречия и говоры, или диалекты, отличающиеся друг от друга своими диалектическими особенностями. Надо заметить, что языка вполне однородного во всех своих частях, т.-е. у всех говорящих на нём, мы не знаем. Всякий язык любого народа или племени представляет совокупность нескольких наречий

и говоров, связанных между собою общими им всем чертами и представляющих для сознания говорящих на них видоизменения одного общего языка. Говорами языка мы называли самые мелкие подразделения языка, языки небольших групп населения, отличающиеся друг от друга лишь незначительными особенностями, если между языком членов каждой такой группы мы не можем указать сколько-нибудь заметных различий, кроме чисто случайных или индивидуальных: наречием же называется совокупность близких между собой говоров, объединенных какими-нибудь крупными особенностями, отличающими их от других диалектических групп в том же языке и указывающими на ближайшую связь этих говоров между собою. Когда мы говорим о наречиях и говорах одного языка, мы имеем в виду общую жизнь их не только в прошедшем, но и в настоящем, т. е. предполагаем, что в этом языке и теперь (или в то время, о котором идёт речь) возникают новые явления, общие всем его наречиям и говорам. Но с течением времени живая связь между наречиями может порваться, и они начинают развиваться вполне самостоятельно, т. е. во всех новых явлениях независимо одно от другого; с этого момента мы уже и можем говорить о них, как о наречиях одного языка, так как связь между ними остаётся только в прошлом, а должны рассматривать их, как отдельные языки, как бы они ни были близки между собою по своему составу. Таким образом, мы определяем близкие между собою языки, как самостоятельные языки или как наречия одного языка не столько на основании их сходства, сколько на основании их взаимодействия в данный момент. Надо впрочем заметить, что не всякие явления, общие нескольким языкам, позволяют рассматривать эти языки, как наречия одного языка, а только явления чисто звуковые, как это будет выяснено ниже.

Рядом с описанным процессом распада языка в истории языков происходят и обратные явления: языки, ещё не успевшие сильно удалиться друг от друга, могут, сближаясь снова, сливаться в один язык, становясь таким образом наречиями этого языка. Кроме того, многие языки вытесняются другими языками, так сказать, вымирают.

§ 4. С распадением одного языка на несколько языков, языки, выделившиеся из одного языка, продолжают сохранять черты, свидетельствующие об их общем происхождении. С течением времени этих черт становится всё меньше и меньше, и те общие черты, которые сохраняются в них, мало-по-малу настолько изменяются, что общее происхождение их можно узнать только при знакомстве с историей языка. Языки, восходящие в прошлом к наречиям одного общего языка, называются родственными; язык, от которого произошли такие родственные между собою языки, называется по отношению к ним праязыком. Родственные между собою языки могут стоять в разных степенях родства: могут быть более близко родственные языки и могут быть языки, стоящие в отдалённом родстве между собою. Так, напр., и французский, и литовский, и сербский языки являются родственными языками по отношению к русскому языку, но степень родства их различная: ближе всего к русскому языку стоит из этих языков сербский язык, восходящий вместе с ним к одному общему праязыку—общеславянскому; в более отдалённом родстве с русским стоит литовский язык, который вместе с другими балтийскими языками: латышским и вымершим прусским—восходит к общему им предку—языку общеполтийскому, выделившемуся вместе с общеславянским из одного некогда бывшего балтийско-славянского языка; ещё дальше стоит французский язык: общий предок русского и французского языков является общим предком и балтийско-славянских и других индо-европейских языков: это—так называемый общеполтийский праязык.

Таким образом, мы видим, что изучение языка должно быть историческим даже в том случае, когда предметом нашего изучения является язык в его современном состоянии.

Изменения звуковой стороны языка.

§ 5. История языка, как мы видели, состоит в изменении фактов языка с течением времени. Так как человеческий язык представляет совокупность таких звуков и звуковых

сочетаний, которые служат говорящему знаками предметов мысли, то ясно, что в языке следует различать две стороны: 1) самые звуки и их сочетания, какими располагает язык, т.-е. так называемые „звуки речи“¹⁾ и 2) смысловую сторону—те значения отдельных звуков или их сочетаний, которые делают эти звуки знаками для мысли. Изменения в языке могут касаться как звуковой стороны языка, так и значений, т.-е., напр., изменения могут касаться звуков речи, не касаясь значений, связанных со звуковой стороной речи, и могут касаться значений, связанных с известными звуковыми комплексами, не затрагивая самих звуков. Так, изменение бывших некогда в русском языке произношений вода, несёте, руцѣ в вадѣ, несёте, руке не отразилось на значении этих слов, оставшемся без изменения; наоборот, такие изменения в значении, какие произошли, наприм., в словах чернила (первоначально, — вещество, которым чернят), стрелять (первоначально, — пускать стрелы) и т. п., не отразились на звуковой стороне слов. Первая группа изменений—изменения звуков—рассматривается в фонетике и грамматике языка, а вторая—изменения значений—в семасиологии. Изменения звуков языка бывают двоякого рода: 1) или эти изменения не стоят ни в какой связи со значениями слов; это—изменения звуков речи самих по себе или под влиянием известного положения их в речи, напр., под ударением или без ударения, в конце слова или в начале, по соседству с теми или другими звуками, вызывающими изменение соседнего звука, и т. д.; такие изменения звуков называются фонетическими; 2) или же изменения звуков речи стоят в связи со значением звуковой стороны речи. В этих последних тоже можно различать два случая: или известное значение слов вызывает определённые звуковые условия, следствием которых и является то или другое изменение звуков, или со значением слова не связывается никаких особых звуковых условий, и изменения звуков

¹⁾ Те звуки, хотя и бы произносимые человеком, которые не служат в данном языке знаками предметов мысли, т.-е. не входят в состав слов языка, не принадлежат и к числу «звуков речи» данного языка. Такими для русского языка например, свист, щёлканье языком, рыдание, хохот и др.

происходят благодаря не звуковым условиям, а так называемой аналогии, т.е. сближению по сходству с другими словами, связанными с ними в представлении говорящих. как однородные в каком-либо отношении. Изменения звуков, являющиеся в первом случае, могут быть названы фонетическими, как и те, которые не стоят ни в какой связи со значениями слов, изменения же, получающиеся во втором случае, называются нефонетическими, или изменениями по аналогии. Изменения фонетические изучаются в отделе истории языка, называемом фонетикой, или историей звуков языка; история же нефонетических изменений языка не составляет какого-либо определённого отдела в истории языка; некоторые из таких изменений, именно, изменения, касающиеся грамматических форм слов, рассматриваются исторической грамматикой языка в отделе морфологии, или истории форм языка. Примеры чисто фонетических изменений: в русском слове „рука“ звук у получился вследствие фонетического перехода в русском языке еще в доисторическую эпоху (т.е. в такую эпоху от которой не сохранилось письменных памятников) полученного из общеславянского языка носового гласного звука в звук у неносовой; такое же у получилось в русском языке из того же общеславянского носового гласного звука и во всех других словах, где был этот звук, напр. в словах „гусь“, „муж“, „иду“, „несу“ и т. д. Другой пример: в великорусском „мёд“—фонетическое изменение прежнего е в о¹⁾ перед твёрдой согласной, как и в словах „клён“, „вёсну“ „сёла“, „весёлый“ и т. п., где е было в том же положении (перед твёрдой согласной), но отлично от таких слов, как „веселье“, „зелень“, „несть“ и т. п., где е не перешло в о, потому что было перед мягкими согласными. В московском произношении слова „вода“ в первом слове слова—фонетический переход старого предударного о в а, как и в словах водить, гореть, голова и т. п., ср. сохранение о под ударением: воду, водит, головка и т. п. Фонетическое изменение звуков, связанное со значением слов, представляют такие случаи, как

¹⁾ Буквою «ё» обозначается тот же звук, что и буквой «о» с тем различием, что буква «ё» кроме того указывает на мягкость предшествующего согласного звука, т.е. мё=мь+о.

великорусские диалектические звательные формы от имён на—а без этой гласной: Вань, Маш, дедушк и пр., где отпадение конечной гласной вызвано ускорением темпа, связанным с употреблением звательной формы; подобными же причинами объясняется и отпадение конечной гласной в украинских формах 2-го л. множ. ч. повелит. наклонения на—іть: ходіть, озьміть, несіть (т.-е. ступайте, возьмите, несите), а также некоторые особенности в изменении т. наз. частичных и, частью, местоимённых слов ¹⁾. Примеры нефонетических изменений по аналогии: в великорусских формах „руке“, „ноге“ звуки **к, г** мягкие явились вместо прежних **ц, з** (руцѣ, нозѣ) по аналогии с другими падежными формами тех же имён, напр., именит. ед. рука, нога, а также другими именами, у которых основа дат.-местн. ед. не отличалась от основы других падежей или отличалась только мягкостью последней согласной основы, ср. семьѣ, воде, губе при именит. ед. семья, вода, губа. В великорусских формах 2-го л. множ. ч. на —ёте: „ведёте“, „несёте“ и пр. в предпоследнем слоге нефонетически явилось **о** (пишется „ё“) вместо **е** перед мягкой согласной по аналогии с одной стороны с формой 1-го л. множ. ч. „ведём“, „несём“, где ещё раньше этого произошёл фонетический переход **е** в **о** перед твёрдой согласной, с другой стороны—тех глаголов, у которых перед окончаниями —м в 1-м л. множ. ч. и —те во 2-м л. множ. ч. была и раньше одна и та же гласная, именно **и**: стоим—стойте, сидим—сидите, и пр. В украинских формах 1-го л. ед. ч. печу, могу, ляжу явились звуки **ч, ж** нефонетически вместо **к, г** (пеку, могу) по аналогии со звуками **ч, ж** в формах других лиц: печеш, можеш, ляжеш, пече, може, ляже и пр., и тех глаголов, у которых основа в 1-м л. единств. ч. та же, какая и в других лицах, иду—идеш, несу—несеш, пишу—пишеш и пр.

§ 6. Так как фонетические изменения не зависят непосредственно от значений слов, а вызываются исключительно фонетическими (звуковыми) условиями, то всякий раз, когда в языке происходит то или другое фонетическое изменение, оно распространяется на все случаи, в которых даны те же самые звуки в тех же звуковых положениях. Поэтому

¹⁾ См. ниже.

условия, при которых происходит то или другое фонетическое изменение в том или другом языке или говоре в тот или другой момент жизни языка, могут быть точно формулированы как правила, или, как их называют, звуковые (фонетические) законы, не допускающие исключений. Действие таких звуковых законов строго определяется условиями их проявления, той общественной группой, на которую распространяется такой закон, и известной эпохой, в течение которой звуковой закон продолжает быть живым законом, и после которой действие этого закона может прекратиться, и могут возникать новые звуковые законы, иногда противоречащие старым. Благодаря такому действию различных звуковых законов в разные периоды жизни языка, а также благодаря нефонетическим заменам звуков по аналогии получаются кажущиеся исключения из звуковых законов. Приведу примеры. В русском литературном произношении слов „дело“, „победа“, „мелкий“ и др. звук *е* перед твёрдой согласной не перешёл в *о* потому, что в эпоху перехода звука *е* перед твёрдым в *о* здесь был особый звук — *ѣ*, — отличный от *е*, который лишь после прекращения действия названного закона изменился в *е*. В словах „отец“, „купец“, „полезный“, „деревенский“ звук *е* (из более старого звука *ѣ*) не перешёл в *о* как будто вопреки закону о переходе *е* в *о* перед твёрдыми согласными потому, что согласные *ц*, *з*, *н* в этих словах в эпоху действия этого закона были ещё мягкими и отвердели потом (*ц* вообще, а *з*, *н* перед твёрдой согласной), когда закон о переходе *е* в *о* перед твёрдыми уже не действовал. Кажущимися исключениями из того же закона являются произношения „идёте“, „на берёзе“, „кулёчек“, где старое *е* нефонетически заменено звуком *о* по аналогии с другими формами тех же слов и родственными словами после прекращения действия этого закона. Наконец, такие слова, как „небо“, „крест“, „надежда“, „аптека“, „каjeta“ — заимствования из церковнославянского и иностранных языков, причём можно думать, что не только такие произношения, как „аптека“ и „каjeta“, но и произношение *с е* церковнославянских слов проникли в русский язык уже тогда, когда закон о переходе звука *е* в *о* перед твёрдыми в русском языке перестал

действовать¹⁾. Приведённые нами примеры позволяют сделать вывод, что нефонетические изменения, нарушающие известный фонетический закон, не могут возникать в период действия этого закона; так напр., произношение „несёте“ вместо „несете“ могло возникнуть только тогда, когда все **е** перед твёрдыми уже перешли в **о**, и закон об этом переходе перестал действовать как живой закон; до того разницы между **м** твёрдым в 1-м л. множ. ч. и **т** мягким в окончании 2-го л. множ. ч. должна была ощущаться как препятствие к изменению **е** в **о**.

§ 7. Что касается изменений по аналогии, то можно думать, что эти изменения так же закономерны, как и изменения фонетические, и что для них также можно установить правило, что каждое изменение по аналогии обнимает всю группу случаев, в которых даны те же соотношения значений и те же фонетические условия. Так, в современном русском литературном языке звук **е** заменился нефонетически (по аналогии) звуком **о** во всех формах 2-го л. множ. ч. глаголов 1-го спряжения под ударением, у всех имён существительных с основой на твёрдую со старым ударяемым **е** перед последней согласной основы в местно-предложном и дательно-местно-предложном падежах единств. ч. (берёзе, клёне, рёве и пр.), у всех имён существительных на **—а** ударяемое с основой на мягкую в окончании творит. единств. (судьёй, землёй, душой и пр.); согласные **з, с, ц** заменились согласными **г, х, к** в падежных формах на **—ге, —хе, —ке** и в повелит. на **—ги, ки, —гите, —ките** от всех имён и глаголов с основой на задненёбные (**г, к, х**), и те же свистящие звуки не заменились звуками **г, к, х** в других образованиях от тех же основ (друзья). Но определение нефонетических условий, вызывающих изменения по аналогии, значительно труднее определения фонетических условий звуковых изменений. Не все подобные условия пока

¹⁾ Можно думать, что в тех словах, которые перешли в русский язык из старославянского (древнецерковнославянского) языка до XII в., звук **е** перед твёрдыми перешёл в **о**, как и в чисто русских словах, ср. такие слова, как „крёстный“, диалект. „небёсный“ и др. и собств. имена: Алёна, Парфён, Офёр и др.: произношение же церковнославянских слов с **е** восходит к эпохе южнославянского влияния XIV—XV в.

поддаются учёту, и потому законы изменений по аналогии остаются невыясненными. Можно заметить, что изменение по аналогии обыкновенно возникает только в том случае, если факт, подлежащий изменению, в сознании говорящего связывается с двумя перекрещивающимися рядами сходных фактов: из приведённых выше примеров форма „идете“ связывается с одной стороны с формами „идёшь“, „идёт“, „идём“, с другой—с формами „стойте“, „сидите“, „лежите“ и пр., где гласная—та же, что и в других личных формах; формы „руке“, „ноге“ ставятся в связь с одной стороны с формами „рука“, „нога“, „руки“, „ноги“ и пр., с другой—с формами „воде“, „слезе“, „губе“ и пр., где последняя согласная основы отличается от последней согласной основы в других формах тех же имён только мягкостью, и т. д. Применяя к изменениям по аналогии математическую формулу, можно обозначить условия таких изменений в виде пропорции: „ $a:b = c:x$ “, где a , b , c —факты, уже существующие в языке, x —тот факт, который получается в результате изменения по аналогии.

§ 8. Чтобы определить, является ли то или другое изменение звуковой стороны языка фонетическим или нефонетическим, следует выяснить, обнимает ли это изменение группу явлений, связанных между собой только фонетически и не связанных по значению, или же группу явлений, связанных между собою по значению или употреблению. В первом случае мы имеем несомненно фонетическое явление, во втором случае, если при тех же фонетических условиях, но с другим значением или употреблением такого изменения не произошло,—явление нефонетическое. В тех случаях, когда известные фонетические условия встречаются только в известных группах случаев, объединённых между собой значением, решение вопроса о фонетических или нефонетических причинах изменений является часто затруднительным.

Методы изучения истории языка.

§ 9. Каким путём мы можем узнавать прошлое языка? Факты живого языка могут наблюдаться в живой речи, но

как наблюдать ту речь, которая произнесена уже давно, и которой мы не слышали? Хорошо, если она была записана, но и в таком случае записи далеко не достаточны для суждения о языке записанной речи, тем более, что речь обыкновенно записывается не с целью передать особенности языка, а для передачи той мысли, которая является содержанием речи. Кроме того, мы знаем, что язык живёт независимо от того, существует ли на нём письменность или нет; почти каждый народ переживал такую эпоху, когда письменности вовсе не было. Когда она является, ею пользуются только немногие люди; долгое время огромное большинство народа остаётся безграмотным, да и грамотным людям часто ли приходится пользоваться письмом для передачи своих мыслей? Таким образом, жизнь языка в значительной степени идёт помимо письма. Поэтому история языка, хотя и пользуется для суждения о прошлом языка старыми записями речи, так называемыми письменными памятниками языка, но не довольствуется этим, а прибегает и к другим способам восстановления прошлых эпох в жизни языка. Такими способами являются: 1) изучение фактов живого языка безотносительно к диалектическим различиям, существующим в языке, 2) сравнительное изучение живых говоров языка, 3) сравнение изучаемого языка с родственными ему языками, 4) сравнение изучаемого языка с соседними, хотя бы и неродственными языками, и с языками тех народов, которые раньше приходили в соприкосновение с народом, говорящим на изучаемом языке.

1. § 10. Всякий живой язык в современном его состоянии хранит факты, унаследованные им от разных эпох его жизни, и мы иногда имеем возможность выделить факты более ранние от более новых. Приведу примеры.

Если мы обратим внимание на чередование звуков *е* и *о* в родственных словах, как напр., ток и течь, возит и везть, весёлый¹⁾ и веселье, жоны и женин и т. п., то мы заметим, что слова, в которых при таком чередовании является *о* после твёрдых согласных, менее родственны друг с другом, чем слова, в которых чередуются *е* и *о* после мягких или

1) Буквою „ё“ мы обозначаем звук *о* после мягких согласных.

шипящих, и таких слов вообще немного; после же мягких и шипящих такое чередование очень часто, причём является в ряде живых образований: в различных формах одного и того же глагола: пёк—печь, вёз—везть, лёг—лечь, нёс—нести, в существительных и образованных от них прилагательных: сёла—сельский, вёсну—вешний, жоны—женин, сёстры—сестрин, в прилагательных и образованных от них существительных: весёлый—веселье, учёный—ученье, солёный—соленье, тёмный—темень, чёрный—чернь, пёстрый—пестрядь, в положительной и сравнительной степенях прилагательных: тяжолый—тяжеле, лёгкий—легче и т. д. Ясно, что первое чередование—**е** и **о** после твёрдых нешипящих—старше, чем второе—после мягких и шипящих. То обстоятельство, что шипящие в этом случае составляют одну группу с мягкими согласными, а не с остальными твёрдыми, легко приводит к предположению, что шипящие некогда и по своему произношению стояли ближе к тем согласным, которые теперь являются мягкими. Это предположение поддерживается и тем фактом, что в современном великорусском языке вообще звук **е** может быть только после мягких и шипящих согласных (а также, в известных случаях после **ц**), но не после остальных твёрдых согласных¹⁾. Рассматривая далее случаи чередования **е** и **о** после мягких и шипящих, мы замечаем, что в большинстве случаев такого чередования **о** является перед твёрдыми, но не перед **ц**, а **е** перед мягкими и перед **ц**. Это наблюдение позволяет нам поставить такие вопросы: 1) не было ли и **ц** прежде мягким или, выражаясь осторожнее, не стояло ли ближе к тем согласным, которые теперь являются мягкими (ср. и тот факт, что после **ц** может быть звук **е**, который не встречается после других твёрдых нешипящих согласных)? 2) не вызывалось ли чередование **е** и **о** после мягких и шипящих тем, что в одних случаях дальше следовали твёрдые согласные, в других мягкие? При положительном ответе на последний вопрос остаются необъяснёнными такие

¹⁾ Произношения в роде „допо“ и т. п. встречаются только в языке образованных людей и ясно обличают своё нерусское происхождение; произношения в роде „однэй“, „косэй“ являются лишь диалектически в немногих грамматических категориях.

случай, где сохраняется **е** перед твёрдой или **о** после мягких перед мягкой. Случаи первого рода по большей части могут быть объяснены только при сравнении нашего говора с другими говорами русского языка; что касается случаев второго рода, то нетрудно заметить, что слова, в которых отсутствует чередование **е** и **о** после мягких и шипящих, стоят ещё ближе грамматически друг к другу, чем слова с таким чередованием: дат.-местн. „берёзе“ ближе к имен. ед. „берёза“, родит. ед. „берёзы“, чем к слову „березник“ и т. д., а потому можно предположить, что чередование **е** и **о** после мягких и шипящих—результат звукового закона, действовавшего в русском языке раньше того времени, как появились такие формы, как берёзе, мёде, трушобе и т. п. Другой случай: существительное „путь“ по своему склонению отличается от всех остальных существительных русского языка. Оно не могло бы стоять особняком, если бы раньше не было особой группы имён, склонявшихся так же. Таким образом, мы должны предположить, что некогда в русском языке существовали имена, склонявшиеся так же, как и „путь“, но потом это склонение почему-то было утрачено, и единственным представителем этого склонения осталось существительное „путь“.

2. § 11. Из сравнения между собой живых наречий и говоров языка мы узнаём о фактах, предшествовавших выделению одних говоров и возникших после слияния других говоров, о влиянии одних говоров на другие и т. д. Так как образование говоров русского языка началось ещё в доисторическую эпоху и продолжается до сих пор, а особенности говоров, возникших в древнейшие эпохи языка, частью сохранились до сих пор или отразились на особенностях нынешних говоров, то путём сравнения живых говоров мы получаем возможность судить о явлениях разных эпох в истории русского языка. Приведу примеры того, каким образом сравнение живых говоров языка между собой помогает судить о прошлом языка. Среди современных великорусских говоров в одних (главным образом южно-великорусских) существует два различных звука—**ц** и **ч**, в других (значительной части северновеликорусских) этим звукам соответствует один звук—**ц** или **ч**. Так как оба звука